

Сергей
Колчиш

ПОДНИМАЯСЬ ВЫШЕ И ВЫШЕ

У ПОДНОЖИЯ АЛАТАУ

В нынешнем году альпинизму в нашей республике исполняется 90 лет. «Отсчет времени в казахстанском альпинизме принято вести с 1930 года, когда Г. Белоглазов, В. Горбунов и И. Мысовский покорили Малоалматинский пик...» [1; 8]. И я, открыв окно, гляжу на горы, вспоминаю время, когда в городе еще не строили высотных зданий и горы были видны во весь свой исполинский рост. Я, тогда еще ребенок, разглядывал эти странные возвышенности с пытливым интересом. Что там, на этих гребнях, и что дальше, за ними? С тихим внутренним пением я глядел, как выныривают горы из кипени яблоневых садов, пригибавшихся, шумя, под порывами весеннего ветра; как серебрятся горы сединою, осыпанные зимним снежком; как в неподвижно-величавой созерцательности стоят они в безветренные летние дни.

От подножия Алатау поднимались рощицы яблонь, берез, стройные сосны и мощные ели. Дальше к югу волнами перебежали бурые гребни, безжизненные, каменистые, с чуть красноватым отливом; они сменялись снеговыми шатрами и седловинами, скальными башнями и ледовыми пирамидами.

Часами я следил за неторопливой жизнью пестрых Небесных гор. Зачарованно глядел, как меняют они свой цвет с течением дня; как преобразуется рельефность их очертаний при ярком свете полуденного солнца, при мягкой подсветке утра или на закате погожего дня, когда в небесах разворачивался гигантский божественный транспарант кумачового цвета, а еловые леса ненадолго разгорались огненными отсветами и языками.

Прошли многие годы. И сегодня я понимаю: тот факт, что наша южная столица расположена у подножия Заилийского Алатау, не просто некая очевидность. В этом «бытии у гор» – сама суть и специфика Алматы. Именно горами определяется наш климат и наша пространственная ориентация (я бы даже сказал – идентификация), наш дух, наше художественное мышление.

Горы порою, конечно, угрожают горожанам и их искусственным сооружениям – селевыми потоками и землетрясениями. Но парадоксальным образом жители южной столицы находят в своих горах и спасение. Потому что там воздух – чистейший, там виды земного рая, там исцеление плоти и расширение души. Горы – как ангелы-хранители, осеняющие нас своими крылами. И, словно

очистительные магниты, горы притягивают к себе людей, птиц, облака и самый воздух небес. Они зовут ввысь и за пределы видимых границ.

Поэтично и при этом точно рассказывал о горах выдающийся казахстанский альпинист Валерий Хрищатый: «Мне было года три, когда я приехал в Алма-Ату... Впервые осознанно по-детски увидел горы. И запомнилась мне эта сказка – жара, зелень и совсем рядом снег на холмах, до которых рукой подать <...> я помню момент – поднимаюсь по заснеженной тропинке неуверенной детской поступью, соскальзываю, падаю, встаю, опять лезу и – свежесть... Острый запах свежести от снега. Так он и остался у меня в памяти – запах свежесвыпавшего снега. С тех пор, когда я иду на любую гору, стоит мне его уловить, все трудности и тяготы уходят прочь, и просыпается во мне та сказка, та мелодия детства, которая влечет вверх, к снегу, к вершине. Так что какая бы у меня в коллекции вершина ни была, даже пусть это сам Эверест, пока живет во мне мелодия моего детства, я буду ходить в горы» [2; 139–140].

В моей душе горы тоже всегда вызвали романтические чувства и лирические ноты. Я даже написал в ранней юности небольшое эссе – наивную, но искреннюю «Поэзию гор». Это несколько не удивительно. Высокие манящие хребты и походы на их перевалы и вершины оказываются источниками поэзии очень часто. Вспомним, к примеру, поэму легендарного казахстанского журналиста и альпиниста Сарыма Кудерина «Черный альпинист»:

Я упал, окликнув друга,
Но ушли мои друзья,
В этот день ревела вьюга,
И замерз под снегом я.

Вспомним «Вершину» Семена Кирсанова и ее героя, прототипом которого был знаменитый советский горвосходитель Евгений Абалаков:

Был Акбулаков
душой отряда,
его отрада – чтоб злей преграда,
чтоб неприступней, отвесней,
круче!
Лезть в высоту к ней —
ему тем лучше!
К труднейшим скалам
он мог увлечь нас.
Он придавал им
жизнь, человечность...

С увлечением и страстью погружался я в детстве в чтение таких бестселлеров, как «К третьему полюсу» Гюнтера Диренфурта, «Тигр снегов» Норгея Тенцинга, «Аннапурна: первый восьмитысячник» Мориса Эрцога. А чуть позже мое приобщение к горам продолжилось благодаря группе туристов Академии наук республики. Это были самые разные люди, но их объединяло то, что все они были заядлыми путешественниками, любителями бродить по горным тропам и радоваться этой бродячей жизни так, что душа у них пела.

Вспоминаю, как в пригородном автобусе, незабвенной «коробочке-шестерке», натужно поднимавшейся по ущелью, кто-нибудь из группы весело предлагал:

– Ну что, споем?

Он запевал, остальных не надо было упрашивать: они дружно подхватывали куплет или припев. Песни были смешными и грустными, напевно-лирическими или бодрыми, как спортивные марши. Поющие не стеснялись выражать свои чувства перед друзьями и незнакомыми пассажирами, певцам не нужны были никакие стимуляторы. Песни свободно лились из сердца, из радостного ощущения молодости, здоровья, дружбы, туристского братства.

Атмосфера тех лет и само существование высоких людей рядом со мною – всё это неприметно и неуклонно воздействовало на мою душу. Те люди были для меня солью земли. И я старательно учился вязать узлы на веревках, ставить палатку, разжигать костер, переправляться через бурные горные потоки. Первые ночевки в горах, первые многодневные походы по ледникам и перевалам Тянь-Шаня, песни у костра, подъем на большие и малые вершины...

Будучи уже достаточно пожившим человеком (с уже неизбежно выцветшими чувствами), я как-то раз в пасмурный осенний день поднялся в горы – и вдруг ощутил глубокое и тонкое счастье. Счастье от того, что в один миг понял ясно, как просветленный: как же повезло мне, что с детства меня окружали замечательные люди, мужественные и любящие – наставники-горовосходители. Альпинисты и горные туристы («альпики» и «турики», как в шутку они именовали сами себя) своими рассказами и личным примером увлекали ввысь, вели за собой.

К сожалению, многие из них, знакомые мне не понаслышке (Стас Сахаров, Роберт Шоль, Валерий Хрищатый), завершили свое жизненное восхождение трагически, в горах, на больших высотах. Но даже эти горькие события исполнены высоты – внутренней, духовной. Потому что этих людей вел вперед неодолимый и прекрасный высший импульс.

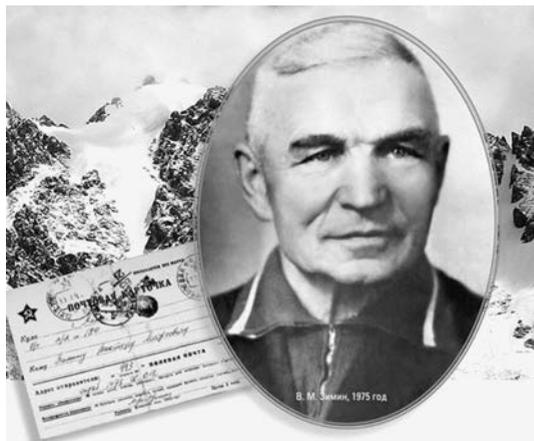
ВОСХОЖДЕНИЕ

В горах Алатау близ морены ледника Богдановича многие горожане любят останавливаться у «камня Зимина». Но не все знают, что за человек был Зимин.

В 1930 году Виктор Матвеевич приехал в Алма-Ату, пройдя к тому времени большую жизненную школу. Участник Гражданской войны, он затем работал физкультурным руководителем на заводе АМО (будущий завод имени Лихачева) в Москве. В нашем городе Зимин стал преподавать в качестве тренера в Казахском педагогическом институте, а позже – в организованном им техникуме физкультуры. Здесь он впервые увидел горы и всё свободное время стал отдавать горным походам. Именно с него началась история альпинизма в Казахстане. С 1935 по 1985 год В. М. Зимин был бессменным руководителем республиканских альпиниад и совершил более тридцати восхождений на пик Комсомола во главе этих массовых спортивных мероприятий. Последний раз Виктор Матвеевич поднялся на эту вершину в возрасте восьмидесяти четырех лет. Этим сказано всё об отношении Зимина к горам, восхождениям, альпинистскому братству.

В начале тридцатых годов свою альпинистскую деятельность начинает и соратник Зимина, ставший впоследствии патриархом альпинизма в нашей республике, – Евгений Михайлович Колокольников.

Мне посчастливилось видеть его лишь однажды. Это было в сентябре 1981 года в одном уютном алмаатинском доме. Я был тогда совсем еще молодым человеком и вряд ли в полной мере осознавал, рядом с кем сижу. Помню только теплое ощущение доброты, исходившее от этого человека. Он держался очень скромно, и рядом с ним было легко и спокойно. Между тем это был поистине выдающийся человек. Первый мастер спорта по альпинизму в Казахстане, он в 1935 году организовал первую казахстанскую экспедицию в Центральный Тянь-Шань для разведки путей восхождения на высшую точку республики – пик Хан-Тенгри. С этого момента в Казахстане начался высотный альпинизм. Спустя несколько лет Евгений Михайлович сражался в составе 8-й Гвардейской Панфиловской дивизии, оборонял Москву, совершал дерзкие рейды на лыжах в тыл врага и брал фашистских «языков». В память о тех военных годах у Евгения Михайловича хранились часы, которые подарил ему маршал Жуков.

Виктор Зимин

А в горах Заилийского Алатау, в ущелье Горельник, во время Великой Отечественной войны была создана Всесоюзная школа горной подготовки. С 1943 по 1946 год эта школа под руководством заслуженного мастера спорта Михаила Тимофеевича Погребецкого обучила и выпустила в действующую армию 1500 инструкторов горной подготовки и 12 тысяч горных стрелков.

С Горельником связаны многие из моих собственных воспоминаний. Горные походы с друзьями, старшие товарищи из Москвы, Ленинграда, Еревана. Проводы и встречи больших групп на маршрут и с маршрута. Юрий Аравин с громадным рюкзаком, уходящий на маршрут. Песни под гитару – их пели новосибирские барды Валерий Каган и Лев Гудин... Помню громадные мохнатые ели, уютную беседку на высоком скальном уступе. С северной стороны возвышалась двухэтажная гостиница с просторной террасой, а на западном склоне – несколько коттеджей. В летние месяцы тут, на турбазе «Горельник», звенели молодые голоса; по утрам из репро-

Евгений Колокольников

скальном уступе. С северной стороны возвышалась двухэтажная гостиница с просторной террасой, а на западном склоне – несколько коттеджей. В летние месяцы тут, на турбазе «Горельник», звенели молодые голоса; по утрам из репро-

дуктора неслась бодрящая музыка – и молодежь выскакивала на зарядку. Здесь живописными группами, в штормовках, с рюкзаками за спиной и ледорубами в руках, люди, провожаемые цветами, уходили в дальние походы. Здесь дружили, влюблялись, фотографировались у водопадов.

Не могу не вспомнить и о том, что в годы Великой Отечественной войны здесь, в «Горельнике» – тогдашней школе горных стрелков, работал мой дед Александр Федорович Туфан. В юбилейном для него 1960 году президиум Федерации альпинизма Казахской ССР отмечал: «Дорогой Александр Федорович! Ваше содружество с альпинистами началось в тяжелые годы Великой Отечественной войны во Всесоюзной горно-стрелковой школе, готовившей для фронта воинов, знающих горы...»

Урал Усенов

Александр Федорович (Шокры Оглы) Туфан многие годы был начальником Казахского клуба альпинистов и туристов, организатором спортивных экспедиций в Центральном Тянь-Шане, на Памире, в других горных районах Советского Союза. Альпинисты страны называли Александра Федоровича ласково и уважительно «батя». Письма и открытки от них горой возвышались на журнальном столике. «Батя» расцветал, его глаза светились радостью: он видел, что живет свою жизнь не зря. И действительно, дорогого стоят, например, такие слова от альпинистов Ленинградского горного института: «Многим хорошим мы обязаны горам, но самым прекрасным было то, что горы познакомили нас с Вами... Мы всегда получали от Вас и отцовскую поддержку, и наставления учителя. Вы умеете понять и поверить в первые шаги человека, даже если они не со-

всем удачны. А это делает человека сильней». И сам Александр Федорович не раз говорил о том, что главное в жизни – служить людям. Не себе, а именно другим: в этом смысл и счастье человеческое.

После войны альпинизм в Казахстане продолжил свое развитие. В 1950-х годах на горных вершинах побывали тысячи альпинистов. При этом случались и трагические события.

Одно из них произошло в 1955 году, при восхождении на высочайшую и самую грозную вершину Центрального Тянь-Шаня – пик Победы. На тот момент он не покорился еще никому. Тогда в августе алма-атинская команда Туркестанского военного округа поднялась до высоты 6930 метров, но попала под чудовищный снежный ураган. Погибли все альпинисты. Кроме одного. В живых остался Урал Усенов. При спуске по леднику Звездочка на высоте 5000 метров он провалился в трещину, но, к счастью, на следующий день его нашла группа спасателей.

В 2000 году, когда отмечалось 100-летие Александра Федоровича Туфана, мне довелось немного пообщаться с Уралом Усеновым и даже сфотографироваться с ним. Я помнил его с детских лет: с чтения документального рассказа о его спасении на пике Коммунизма, а потом – когда подростком ехал вместе с нашими альпинистами на Иссык-Куль. Я глядел на него, красивого и мощного, как на сказочного батыра. Это действительно был легендарный человек. Урал Усенович ровно через год после той трагедии принял участие в совместной с московским «Спартаком» экспедиции Виталия Абалакова на пик Победы. Он снова поднимался туда, невзирая на страшные воспоминания о прошлогодних событиях. Он жаждал покорить смертоносную вершину. И на этот раз – взошел.

А знаменитый казахстанский альпинист Борис Андреевич Студенин! Сразу после воспаления легких и серьезного обморожения он в 1966 году руководил сложнейшим техническим восхождением по северной стене на пик Свободная Корея (Киргизский хребет) и взошел на него вместе с Григорием Петрашко, Олегом Космачевым и Владиславом Резником.

Такие люди созданы для экстремальных ситуаций, для преодоления громадных сложностей. Горы, в свою очередь, созданы для таких людей. Они зовут, они бросают вызов. А трудности велики, хотя альпинист, как правило, говорит о них просто как о работе, пускай нелегкой, но будничной: «...Мне удалось выйти на одну веревку, забив при этом шесть крючьев... Шестиметровая отвесная стена очень гладкая и не имеет трещин... Страховку организовать негде, поэтому приходится двигаться с максимальной осторожностью – большая нагрузка на пальцы рук... Движение по камину доставляет истинное наслаждение, скалы плотные, неразрушенные... Обойти ребро невозможно, подъем по нему сложен. И только использовав несколько лепестковых крючьев в качестве искусственных точек опоры, удалось продвинуться вверх и организовать страховку» [3; 35–36].

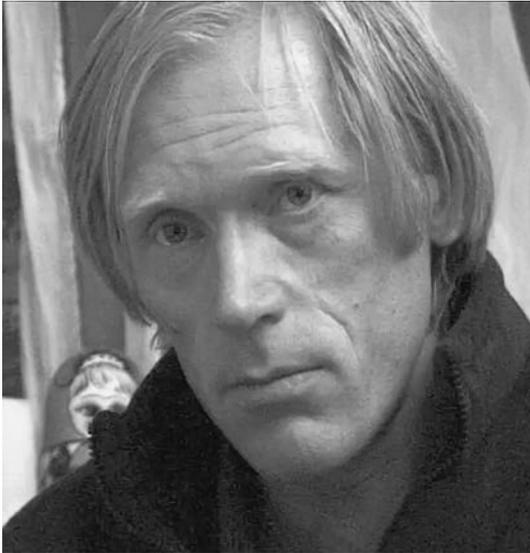
Все трудности окупаются победой над вершиной и над собой. «Мы вышли на ребро; открылся чудесный вид. На севере – необъятная долина с зеленеющими садами и желтыми полями, на юге – красавец Талгар, внизу – ледник Озерный, вверху – отвесные стены...» [3; 35]. Во многом именно ради этого люди ходят в горы: преодолеть трудности, чтобы яснее и ярче прочувствовать красоту жизни.

От Казахского клуба альпинистов в 1960 году было совершено большое количество восхождений высшей категории сложности на пик Талгар – высшую точку Заилийского Алатау. В отчетах об этих восхождениях я увидел много знакомых фамилий. В том числе – знаменитого дирижера Фуата Мансурова, с которым моего отца, Юрия Виссарионовича, связывала искренняя дружба даже спустя десятилетия после их альпинистской молодости. И еще я увидел в этих богатырских списках фамилию моего школьного учителя, в 70-е годы преподававшего в нашем классе историю и обществоведение. Он водил своих учеников в туристские походы, создал в школьных стенах небольшой, но самый настоящий исторический музей. И вот, как выяснилось для меня теперь, он был, кроме того, самым настоящим альпинистом. Что ж, это добавило уважения к памяти замечательного педагога Евгения Иосифовича Динерштейна.

Новый расцвет казахстанского альпинизма начался в 1982 году, когда участники советской экспедиции, руководимой Евгением Игоревичем Таммом, поднялись на Эверест – причем новым маршрутом: с юга по левому контрфорсу юго-западной

стены с выходом на вершину по западному гребню и спуском по пути подъема. А жители Алма-Аты, оставшиеся дома, каждый день приносили к радиоприемникам, чтобы услышать новости о восхождении: как там дела? Восхождение далось не без сложностей, но удалось сделать главное – вершина была покорена. В числе победителей были наши земляки – алмаатинцы Казбек Валиев, Валерий Хрищатый, Юрий Голодов [4].

Через год в Казахстане был создан Центр альпинистской подготовки. Его первым руководителем стал заслуженный мастер спорта СССР по альпинизму, офицер внутренних войск Сапаржан Махмутович Уралов. У меня в архиве есть фотография мая 1996 года, на которой он запечатлен вместе с моим отцом и еще несколькими старыми альпинистами на горнолыжной станции Шымбулак. Дело в том, что Сапар Махмутович каждый месяц собирал в горах Алатау альпинистов-ветеранов, родившихся именно в этом месяце. То были незабываемые для них ностальгические встречи, где давние друзья вели душевные разговоры, обменивались сувенирами, вспоминали добрые старые времена. Всё это благодаря Сапару Уралову, человеку большой души, хранителю альпинистского братства.

Анатолий Букреев

В девяностые годы казахстанские горовосходители продолжали штурм величайших вершин. Нельзя не вспомнить о фантастических достижениях казахстанца Анатолия Николаевича Букреева. В его послужном списке за 1991–1997 годы – Эверест, Канченджанга, Дхаулагири, К-2 и ряд других восьмитысячников мира. И, конечно, особое место среди этих восхождений занимает героическое спасение Букреевым нескольких иностранных альпинистов на Эвересте в 1996 году.

Люди, подобные Анатолию Букрееву, составляют славу и гордость не только альпинизма как вида спорта – они являют собой образец

для подражания. Это не значит, что все должны следовать их примеру буквально – идти в горы и взбираться на вершины. Речь о другом. Альпинизм по сути своей не что иное, как олицетворение надлежащего человеку способа бытия. Не стоять на месте, а двигаться. Не взирать снизу вверх, а стремиться ввысь. Делать возможным и реальным то, что казалось невозможным. Достигать того, что представлялось недостижимым. Именно таково назначение Человека в Мире. И, к счастью, есть на свете немало людей, которые жаждут и умеют это предназначение исполнить.

Радостно видеть, что сегодня всё больше людей отправляется в горы, что молодежь с энтузиазмом и профессиональным знанием дела идет на самые сложные маршруты, на самые высокие вершины. И делает это постоянно, из года в год, ставя новые задачи, осваивая пути, прежде немислимые. В 2001 году, например, все семь человек сборной команды Казахстана по альпинизму

совершили беспрецедентное восхождение: они покорили два восьмитысячника в одном сезоне. Впечатляют и достижения нашего земляка Максута Жумаева. Он поднялся на все четырнадцать восьмитысячников нашей планеты, включая Канченджангу, Нанга Парбат, Аннапурну, Дхаулагири, Лхоцзе, Эверест и другие гиганты Земли. А на некоторые из них взошел без применения кислородного аппарата.

Радует и то, что возобновил работу знаменитый альплагерь «Туюксу» в горах Алатау, что в стране развивается массовый альпинизм, что наша молодежь всё уверенней покоряет вершины Тянь-Шаня, Каракорума и Гималаев. Это дает надежду на доброе будущее, потому что будущее – это молодежь, исполненная жажды двигаться ввысь.

НА ВЕРШИНАХ ДУШИ

Но что же влечет людей на вершины? Что они хотят найти среди льдов и камней, разреженного воздуха и безлюдья? Тяжко дыша, они шаг за шагом взбираются по крутому склону всё выше и выше. Зачем? Ведь это трудно и опасно! И почему одни идут в горы, а другие смотрят на этих людей с удивлением или с насмешкой? Почему у одних сияющие вершины вызывают ужас, тогда как у других – восторг?

Медленно движутся вверх люди с огромными, тяжелыми рюкзаками.

Глядя на них с сочувственным изумлением, горожане, остающиеся внизу, вопрошают: «Зачем вы туда идете? Вам, наверное, много платят за эти мучения?» «Нет, мы сами оплачиваем эту радость», – отвечают идущие вверх.

Чем дальше от душного города, чем выше по склонам гор, тем чище воздух. В грудь вливается прана – космическое начало жизни, дарящее дыхание. И возрождается к жизни не

только плоть с ее дыханием и кровью, но и душа – с ее любовью. Она расширяется, она всё объемлет, всему радуется и всё благословляет.

Горы земные – и законы духовные... С горных вершин открывается сердцу мир божий, а взгляду – библейский простор. «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя» – гласят стихи псалма. И всюду в священных писаниях – горы. Моисей беседует с небожителем на горе Синайской. В псалмах Давида и Соломона – Песни восхождения. Гора Грифонов – любимое место Будды Гаутамы. Мухаммед читает ниспосланный ему свиток, небесный Коран, на горе Хира. Пришедшая с Гималаев Агни Йога – зовет в Гималаи. Нагорные проповеди Христа и преображение на горе Фавор...

Валерий Хрищатый

Горное и горнее... Как близки друг другу эти понятия. И неспроста: восхождение в горах глубоко родственно законам духа, духовного развития. Горы – сущности небесные.

Помню, как-то ранним утром я прилетел в родной аэропорт. Было еще совсем темно, вернее – едва-едва светало. И какой-то незнакомец, командированный из Северной Пальмиры, спросил меня:

- Вы местный?.. Скажите, что это там, на горизонте? Облака?..
- Нет, это не облака.
- А что же? – заинтересованно спросил он.
- Небесные горы.
- Небесные?.. А! Значит, все-таки облака?..

И правда: горы и небо соприкасаются так, что их не всегда отличишь друг от друга.

Заповедь искусства духовного роста, преображения человека – «благословенны препятствия: ими растем». Такова и заповедь альпиниста. Потому что преодоление препятствий – непреложный закон духа и гор. Поистине: «Из всех видов спорта только альпинизм способен удовлетворить извечную потребность человека пройти там, где не проходил никто» [5; 6].

А еще альпинисты-высотники могут рассказать, как в их восхождениях в Гималаях кто-то идет с ними вместе, незримый, неотступный и словно бы говорящий: «Не бойся! Ты не один».

Валерий Хрищатый, например, так вспоминал ночное восхождение на Эверест в связке с Казбеком Валиевым:

« – Казбич, меня вот уже несколько часов преследует ощущение, что с нами идет кто-то третий, но я никак не могу вспомнить его имя.

– Не поверишь, у меня то же самое. Все время кажется, что я его отлично знаю, а имя вылетело из головы» [2; 148].

Ангел-хранитель? Астрал погибшего альпиниста?..

На заоблачные вершины редко ходят в одиночку. Восхождение – дело общее, работа коллективная. И потому восхождение – оселок братства. Альпинизм не есть спортивное состязание. Он – нечто иное и большее: наилучшая модель человеческих взаимоотношений и человеческого развития. В восхождении каждый состязается не с другими, а с горой, то есть, строго говоря, с собственной тяжестью, одышкой, слабостью, страхом. Поднимаясь к горе, каждый из альпинистов возвышается не над другими, а над собой.

Такова специфика состязания в восхождении. Каждый должен быть лично готовым к подъему и к высоте, ибо в противном случае его придется тащить силком, и он станет кричать о насилии над его волей; другим же, тем, кто его тащит, эта слабость создаст дополнительную проблему. Да, здесь надо полагаться прежде всего на себя, ревностно следить за собственными шагами. Но в то же время... Представим, что в этом восхождении каждый только за себя. Тогда все разбредется по горной круче, каждый будет искать свой путь; кто-то уйдет вперед, кто-то вбок, кто-то начнет подрезать снежный склон. И вот уже загремели лавины, и вот уже кто-то погиб, а кто-то, израненный, тщетно взывает о помощи.

Нет, на восхождение идут в связке, и если кто-то сорвался, его страхуют; а если кому-то тяжело – ему помогают, да и сам он, не желая быть обузой, подтягивается вослед идущим впереди. Только так на вершину поднимутся все.

И тот, кто поднялся, преображается. Когда-то он был «равнинным» – он был одномерен, не ведал ни высот, ни глубин, ни просторов. Теперь равнинный становится «горным» и многомерным, каким и должен быть по человеческому предназначению своему. Сколько их, считавших, будто вершины – это скучные, бесплодные холмы! И сколько их, заболевших горами навеки и исцелившихся ими!

С каменистого гребня, с ледового пика взор видит далеко, на многие километры вокруг, ухо воспринимает отчетливо каждый звук, точно слух обострился. Иной воздух, иные пространства, иной дух. Таков эффект высоты.

Вот в верховьях горного ущелья, на крутом отдаленном от меня склоне, я созерцаю громадную осыпь красноватого цвета, и это зрелище вызывает во мне щемящее и благоговейное чувство, сопряженное с томительным ощущением тайны. С чем может быть связано такое чувство? Возможно, оно вызвано тем обстоятельством, что в моем созерцании пейзажа сошлись в изумительном ансамбле многозначительные детали. Дрожащее марево, даль и высота в моем восприятии неосознанно связываются с предвкушением каких-то больших удивительных событий в моем будущем, которое к тому же в силу своей неопределенности вызывает во мне чувство некоторой тревоги. Мощная масса и крутизна осыпи, ее красноватый цвет (цвет крови) невольно подчеркивают скрытую опасность: ступив на эту осыпь, ты окажешься на границе жизни и смерти. Добавлю сюда ослепительный снег острых вершин, яркое солнце, небо над горным гребнем – безоблачное и застывшее, как в вечности, и станет понятно, что причиной и содержанием описанного чувства была гармония возвышенной красоты, родственная священной вере.

...Но приходится спускаться с вершин и вновь становиться равнинным. Впрочем, равнинным ли? Ведь с тобой навсегда остается живая память об иных измерениях бытия. Один из скалолазов-мастеров, альпинист-высотник Олег Космачев однажды рассказал мне о вещах удивительных: «После больших восхождений организм претерпевает гипертрофию. И тогда на некоторое время – от одного дня до недели – перед глазами возникают и держатся видения: великолепные дома и дворцы, здания величественной архитектуры, какой на Земле не бывает; и эти видения сопровождаются состоянием эйфории. А потом – об этих видениях остается яркая память».

А главное – не забываются люди, которых встретил в больших горах, люди, у которых в душе – высота. И эта духовная высь подвигает их всё дальше, к тому, что выше их и выше всех нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. От Алатау до Эвереста / Сост. В. Н. Седелников. Алма-Ата: Өнер, 1988.
2. Хрищатый В. Айсберги над облаками: Очерки. Алма-Ата: Жалын, 1989.
3. Колчигин Ю. В. Стена Черной вершины // Вестник Казахского клуба и республиканских федераций альпинизма и туризма. № 4–5. Алма-Ата, 1959–1960.
4. Эверест-82. Москва: Физкультура и спорт, 1984.
5. Боровиков А. Альпинизм в нашей стране (К 50-летию советского альпинизма) // Победенные вершины. Сборник советского альпинизма. 1972. Москва: Мысль, 1974.

